

Пшеничное зерно

ДЖЕЙМС НГУГИ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Известный кенийский прозаик Джеймс Нгуги родился в 1938 году. Он получил образование в Макерере-колледже (Уганда) и университете Лидса (Англия). Нгуги — автор трех романов, нескольких рассказов и пьесы. Он участник литературного афро-азиатского движения, делегат Бейрутской конференции писателей стран Азии и Африки.

Нгуги известен советскому читателю — в русском переводе публиковались его рассказы и роман «Не плачь, дитя».

«Пшеничное зерно» — последняя книга писателя. В ней отражены проблемы борьбы кенийского народа за независимость и первых лет самостоятельного развития страны.

В НАЧАЛЕ века, когда переселенцы из Европы прибирали Кению к рукам, в самом необузданном воображении не мелькнула бы мысль, что к власти в стране смогут прийти черные.

В те благословенные времена чиновник сельскохозяйственного ведомства мистер Роджерс, следуя однажды по делам из Найроби в Накуру, увидел из окна вагона густой лес близ Гитхимы, пленивший его мечтательный ум. Страстью Роджерса была отнюдь не политика — да и кто тогда ею интересовался! — а земледелие. «Вот прекрасное место для научно-исследовательской станции!» — твердил он под стук колес. Поезд спускался в широкую, живописную долину.

Мистер Роджерс не преминул при первой же возможности съездить в Гитхиму и обследовать лес. После этого он энергично взялся за осуществление своей мечты. Он разослал письма всем сколько-нибудь влиятельным людям, добивался — впрочем, безуспешно — приема у губернатора. Его считали сумасшедшим: наука в Африке — какая блажь!

Но гитхимский лес, как злой демон, преследовал его, и бедняга не знал покоя. Каждому встречному он принимался с жаром излагать достоинства своего проекта, а за неимением слушателей беседовал вслух сам с собою. Он и умер в Гитхиме — на железнодорожном переезде его сбил поезд.

Прошло некоторое время, и научная станция лесного и сельского хозяйства была открыта — увы, отнюдь не в память о его подвижничестве, а во исполнение нового плана «колониального развития». В Гитхиму понаехало множество европейцев, и дело пошло полным ходом.

Говорят, призрак Роджерса по сей день блуждает у переезда, и каждый год грохочущий поезд уносит хоть одну человеческую жизнь. Последней жертвой стал синоптик доктор Генри Ван Дайк, толстяк и пьяница. Африканцы, работающие на станции, помнят, как он божился, что наложит на себя руки, если Джомо Кениату выпустят на свободу. И вскоре после возвращения Джомо из Маралала автомобиль Генри Ван Дайка врезался на переезде в проходящий поезд. Даже недоброжелателям доктора при вести об этом стало не по себе. «Несчастный случай или самоубийство?» — гадали в Гитхиме.

Каранджа служил в гитхимской библиотеке. В его обязанность входило обмахивать с полок пыль, выравнивать книги в стройные ряды и заполнять этикетки на обложках заново переплетенных томов. У Каранджи были свои причины помнить Ван Дайка. Этот белый играл с африканцами, как кошка с мышкой: подойдет к рабочему, положит руку на плечо и вдруг как даст пинок под зад. Или дышит своей жертве винным перегаром в лицо и гладит по спине. А потом как загогочет. И неизвестно, смеяться или нет. Боясь не угодить доктору и втайне люто его ненавидя, Каранджа на всякий случай глупо скалил зубы...

Но и Каранджа не злорадствовал, услышав про страшную смерть Ван Дайка. Человек и машина превратились в одно чудовищное месиво...

Взяв из лежащей на столе стопки чистую карточку, Каранджа принялся за работу. Книжки, присланные в переплет, принадлежали министерству сельского хозяйства. Каранджа увлекся. «Агрономические исследования, том...» — старательно выводил он, не поднимая головы, как вдруг почувствовал: в комнате кто-то есть. Рука задрожала и смазала написанное. Каранджа резко обернулся. Лицо его налилось кровью.

— Что за привычка врываться без стука! — зашипел он. В дверях стоял рабочий.

— Я стучал, даже три раза.

— Врешь! Всегда влетаешь как к себе домой.

— Я стучал...

— Силы нет постучать погромче? Ослабел, точно баба... Стучи громко, как настоящий мужчина! — перешел на крик Каранджа, громыхая кулаком по столу для пущей важности.

— Спроси у своей матери, какой я мужчина...

— Ты... ты оскорбляешь мою мать!..

— И сестру заодно. Они тебе скажут, какой Мваура мужчина...

— Как ты смеешь!

Каранджа вскочил со стула. Оба так поглядывали друг на друга, точно вот-вот пустят в ход кулаки. Мваура злобно выпятил нижнюю губу, дышал тяжело и часто. Опомившись, он через силу выдал:

— Ладно уж, извини. — Но в голосе сквозила угроза.

— То-то!.. Чего тебе здесь надо?

— Томпсон за тобой прислал — вот чего! — Мваура вышел. Настороженность схлынула, уступив место чуть ли не радостному волнению. Может быть, Томпсон вызывает его насчет прибавки к жалованью? Каранджа стянул пыль с комбинезона цвета хаки, провел расческой по волосам и поспешил к кабинету Томпсона. Смело постучав, вошел, не дожидаясь разрешения.

Джон Томпсон, административный секретарь станции, поднял утомленное лицо от вороха бумаг на столе.

— Что стряслось? Что за привычка барабанить в дверь?

— Я думал... Я... Вы хотели меня видеть, сэр, — ответил Каранджа неестественно тоненьким голоском, став в позу, какую обычно принимал в разговоре с белыми: ноги слегка расставлены, руки за спиной — весь подобострастное внимание.

— Ах, верно. Знаешь, где мой дом?

— Конечно, сэр.

— Сбегай и передай миссис Томпсон, чтобы она не ждала меня к обеду. Дела... Гм... минутку. Отнесешь записку.

У Джона Томпсона за долгие годы службы развилась буквально маниакальная страсть к переписке. По любому пустяку он сочинял обширные послания. Не было случая, чтобы, посылая боя к директору, или на склад за бумагой, или в мастерскую за парой гвоздей, он не снабдил его документиком с подробным изложением сути дела. Даже если сотрудник был в соседней комнате, Томпсон предпочитал общаться с ним письменно.

Каранджа взял записку, но медлил, топтался в дверях в надежде, что Томпсон вспомнит о его просьбе прибавить жалованье. Однако босс уже снова окупнулся в бумаги.

Для Джона Томпсона и заведующей библиотекой миссис Дикинсон Каранджа — мальчик на побегушках... Он выполнял поручения с притворным рвением, но в душе таил обиду. Разве на станции нет рассыльных?

Он катил на дребезжащем велосипеде с мрачным видом. Обязательно скажу Томпсону, что не намерен больше служить у него на посылах!.. По правде говоря, Каранджу огорчала не столько пустячность поручений, сколько опасение лишиться авторитета в глазах работающих на станции африканцев. Но, впрочем, он готов был смириться с чем угодно, лишь бы сохранить расположение белых, которого добивался годами. Оно служило источником его власти над другими. Африканцы, работавшие в Гитхиме, верили, что достаточно одной его жалобы, чтобы человека уволили. Каранджа знал, что его боятся. Когда африканцы заходили в библиотеку, он метал в них ледяные взоры, отпускал ехидные замечания, властно покрикивал, вечно держа их в страхе и неуверенности.

Аккуратно подстриженная живая изгородь опоясывала бунгало Томпсонов. Арка ворот была сплошь увита зеленью. В большом саду за домом пламенели гвоздики и бугенвиллии, солнцем светились золотые шары. Но даже среди этого буйства красок в первую очередь обращали на себя внимание розы — предмет особых забот миссис Марджери: красные, белые, лиловые — всех цветов и оттенков. Вот и сейчас хозяйка в саду. Увидела Каранджу и подошла к воротам. На ней светлые брюки и блузка, обтягивающая острые груди.

— Зайди-ка, — сказала она лениво, прочтя записку от мужа. Марджери одурела от скуки. Слова сказать не с кем. Раньше у нее были слуга и садовник. Иногда она бранила их, и крик разносился на всю улицу. Но недавно оба взяли расчет, и тут только Марджери почувствовала, как они ей были необходимы.

Каранджа изумился: никогда раньше его не звали в дом. Он присел на краешек стула, положил подрагивающие руки на колени и принялся шарить глазами по стенам и потолку — лишь бы не глядеть на хозяйкин бюст.

Марджери наслаждалась своей чувственной властью над ним. Она часто видела его раньше, но никогда ей и в голову не приходило — а ведь он мужчина! Теперь он внушал ей острое любопытство: что за мысли у него в голове? Что он думает об этом доме? О ней?.. Марджери дала волю воображению. Ей стало жарко, и она поднялась с кресла, слегка сердясь и удивляясь охватившему ее непонятному волнению и дрожи.

— Хочешь кофе или чаю?

— Я... должен идти! — выпалил Каранджа. Действительно, ему пора.

— Да выпей кофе. Миссис Дикинсон не будет сердиться, — она улыбнулась, чувствуя себя как бы его сообщницей и радуясь новому ощущению.

— Ну спасибо, — пролепетал он, ерзая на стуле, явно томясь и поглядывая на дверь. Даже теперь он не осмеливался сесть поудобнее, прислониться к спинке. И в то же время ему безумно хотелось, чтобы кто-нибудь из африканцев увидел его сейчас: белая женщина, жена административного секретаря, угощает его кофе!

Марджери позвякивала посудой в кухне. Ее смущало и радовало непроходившее странное волнение. Лишь однажды довелось ей ощутить нечто подобное. Она танцевала с доктором Ван Дайком в гитхимской гостинице. Он дышал на нее винным перегаром, но ей и это в нем нравилось. Когда после танцев он повез ее кататься, она уступила ему, впервые ощутив жуткую прелесть бунта против семейных уз...

Посидев один в пустой гостиной, Каранджа малопомалу пришел в себя: «Нужен мне ее кофе!..

Пусть лучше скажет, правда ли, что они с мужем собираются уехать в Англию». Каранджа несколько раз порывался задать этот вопрос самому Томпсону, но в последний момент неизменно трусил. Сердце его начинало бешено стучать, и он, прикусив язык, норовил прошмыгнуть мимо, делая вид, что торопится по какому-то делу. Он боялся даже представить себе, что будет, если слух окажется верным. Пока сам Томпсон ему не скажет, еще есть надежда. Неужто и впрямь пришел конец власти белых?

Вернулась Марджери с двумя чашками кофе.

— Тебе с сахаром?

С сахаром?.. А разве можно пить эту отраву иначе!

— Нет, спасибо, — сам не сознавая, что говорит, ответил Каранджа. Он чувствовал, что так и не осмелится задать ей мучивший его вопрос.

Марджери уселась в кресло напротив Каранджи, скрестив ноги. Чашку она поставила на подлокотник. Свою Каранджа крепко сжимал обеими руками, боясь пролить кофе на ковер. Каждый раз, поднося ее к губам, он внутренне содрогался.

— Сколько у тебя жен? — Это был ее излюбленный вопрос в разговоре с африканцами. Представить только, у последнего повара их было три! Каранджа вздрогнул, словно Марджери задела едва затянувшуюся рану.

— Я не женат.

— Вот как! Я-то думала... Когда же ты купишь себе жену?

— Не знаю.

— Ну а подруга хоть — ты понимаешь, о чем я, — у тебя есть?

Ее разбирало любопытство. Голос звучал так про-никновенно. И Каранджа попался на крючок. Может, она поймет, посочувствует ему...

— Была у меня девушка. Я... Я любил ее, — набравшись смелости, выпалил он и сгоряча глотнул слишком много кофе. Ну и горечь!..

— Почему же вы не поженились? Она умерла или...?

— Она мне отказала.

— Ах, прости! — Марджери и впрямь ему сочувствовала. Каранджа очнулся, вспомнил, где он.

— Можно, я пойду, мэмсахиб? Что-нибудь передать господину?

Марджери успела позабыть, зачем, собственно, пришел Каранджа. Теперь она перечла записку.

— Ничего не надо, спасибо, — сказала она, про-вожая его до двери.

Каранджа вышел из дома Томпсонов ровно в полдень. Рана, потревоженная Марджери, надсадно ныла. Но постепенно боль в груди улеглась, и он пришел в неплохое расположение духа. Жаль, что Мваура не видел, как он сидел в гостиной у Томпсона. И слуг у Томпсонов нет, некому будет рассказать об этом в поселке и на станции. А самому Карандже могут и не поверить.

Приближалось время обеденного перерыва, поэтому, не заходя на службу, Каранджа отправился в африканскую харчевню, вновь и вновь перебирая в памяти мельчайшие подробности беседы с мис-сис Томпсон, смакуя даже горький привкус кофе во рту.

Харчевня называлась «Друг до гроба», или, короче, «Друг». Нештукатуренные кирпичные стены покрыты жирным налетом грязи, мухи роются на стенах, на потолке, жужжат над ухом, садятся на миски и чашки и тут же занимаются любовью. На колченогих столиках искусственные розы в пустых консервных банках. Через всю стену начертано:

«Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». На клетушке кассира висят стихи в рамке под стеклом:

С первых дней творенья миром правит ложь.

Где под этим солнцем честного найдешь?

Я словам не верю, не даю в кредит.

Денежки на бочку — будешь пьян и сит!

«Друг» был единственным в Гитхеме заведением, где африканцам продавали спиртное.

Первый, кого увидел Каранджа еще с порога, был Мваура. «Не стоит плодить врагов», — обычно думал Каранджа, остывая после ссор с рабочими.

— Забудем о том, что было, — сказал он и теперь с напускной теплотой и непринужденностью. — Маленькая размолвка меж друзьями, с кем не случается! Работа такая нервная, ответственная: этикетки для ученых книг. Войдет кто без стука — и готово, этикетка испорчена! А ведь библиотекаря — сущий изверг. Эй, официант, два стакана чаю!

(Продолжение следует)

Перевел с английского

Виктор Рамзес

ИНТЕРЕС К РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В развивающихся странах Азии и Африки, как и во всем мире, растет интерес к русскому языку.

В столице Марокко Рабате при библиотеке советского посольства много лет работают курсы русского языка, которые посещают марокканские студенты, школьники, представители интеллигенции.

Недавно на курсах состоялось уже ставшее в конце каждого учебного года традиционным торжественное вручение дипломов и памятных подарков слушателям, успешно закончившим учебу. После торжественной части в просторном зале библиотеки был устроен концерт самодеятельности, подготовленный выпускниками курсов. На русском языке звучали песни, стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Наибольший восторг у присутствовавших в зале родителей, друзей и знакомых выпускников вызвало красочное исполнение русского народного танца «барыня».

ПИТОН-ГИГАНТ

Крестьяне с животноводческой фермы в Адидоме (Гана) обнаружили пропажу двух коров. Вскоре они нашли одну корову, которая, по всем признакам, была убита питоном. Дальнейшие поиски привели крестьян к небольшому пруду, где они увидели десятиметрового питона с чудовищно раздутым брюхом. Когда питона убили и разрезали желудок, там была обнаружена проглоченная целиком корова.